

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՆԱՄԱՍՏԱՐԱՆ

**ՆԱՅԱՍՏԱՆ - ԲՈՒՂԱՐԻԱ.
ԱՆՅՅԱԼԸ, ՆԵՐԿԱՆ ԵՎ ԱՊԱԳԱՆ**

Գիտաժողովի զեկույցների ժողովածու

ԵՐԵՎԱՆ

ԵՊՆ ՆՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ

2009

СТИХОТВОРЕНИЕ “АРМЯНЕ” ПЕЙО ЯВОРОВА

Выдающийся представитель болгарской литературы конца 19-го начала 20-го веков П. К. Яворов является автором знаменитого стихотворения “Армяне”, которое он написал 7 декабря 1899 года. Стихотворение было отредактировано для журнала “Мысль” 18 января 1900 года. Еще при этой первой публикации это произведение получило высокую оценку Йордана Маринопольского. Стихотворение “Армяне” высоко оценили также известнейшие писатели того времени Иван Вазов, Георги Цанев и другие. Благодаря этому произведению патриарх болгарской литературы Иван Вазов замечает молодого поэта: “Армяне”, стихотворение Яворова дышит глубокой скорбью к несчастному народу-мученику.... Г-н Яворов, однако, один из поэтов, которые поют звучно и читаются с удовольствием” (Мартовската ни поезия. – Българска сбирка, VII, 1900, кн. 5, с. 307) – (Цитирую по: Неделчев 2005: 188).

Этим своим стихотворением П. К. Яворов раскрывает перед болгарским читателем одну из самых мрачных страниц истории армянского народа 90-ых годов 19-го века. Поэт Яворов сам является свидетелем страшных сцен на вокзале Скобелево. Владимир Василюв отмечает: “Яворов рассказывал своему брату, что когда он был телеграфистом в Скобелево (к концу 1894 года), наблюдал армянских беженцев, которые работали на вокзале, их мучения и как проводили ночи” – (Цитирую по: Неделчев 2005: 187).

Произведение воспринимается не только как посвящение конкретно армянам, но скорей всего как выражение скорби и сочувствия ко всем угнетенным народам, особенно в контексте набирающего все большую и большую силу Македонского вопроса (как известно, сам поэт участвовал в Илинденском восстании).

Интересен факт, что в дальнейшем развитии стихотворения конкретизирующее определение “армяне” ни разу не встречается. Также нет ни единого упоминания о том, кто их истязал и где их истязал. Однако вместо всего этого в стихотворении встречаются обобщающие определения “изгнанники” (болг. “изгнаници”), “тиран-кровопийца” (болг. “тиранин беснеещ”), “несчастливая родина” (болг. “нещастна родина”), “далекая чужбина” (болг. “далека чужбина”). Но такое отсутствие конкретизации скорее всего надо считать характерной ступенью на пути к художественному обобщению, чем отказом от реальности. То есть, в этом стихотворении сталкиваются, с одной стороны, конкретизированное заглавие, с другой – полное отсутствие конкретизации и стремление к обобщенности в самом стихотворении. Здесь, можно сказать, преобладает тенденция изгнанников, перевоплощенная в образ страдающего, но борящегося человека. Это сложное движение от единичности и конкретности к многозначности и обобщенности является частью художественной силы произведения. Однако это может привести к неправильному восприятию текста. С одной стороны, читатель может отдалиться от реального факта, послужившего толчком к созданию произведения – конкретная трагедия армян конца 19 века и, таким образом, прочесть стихотворение как открытый код. С другой стороны, читатель может пренебречь подчеркнутой тенденцией к многозначности и обобщенности и прочесть произведение как закрытый код.

Каждый отдельный стих сосредоточен на двух противоположных сторонах героев: первый и третий описывают их слабость, сокрушенность, а второй и четвертый – их силу, храбрость.

Единственными актуальными действиями героев являются “пьют” и “поют” (болг. “пият” и “пеят”). Однако то, что сильные и готовые на подвиг люди принудительно и мучительно обречены на бездействие, то, что они поют со слезами на глазах и продолжают страдать, само по себе остро драматическое и конфликтное положение. Мотивы “пьют” и “поют” протерпевают дальнейшее показательное развитие. Вторая строфа подхватывает “они пьют” (болг. “те пият”) и вместе с третьей развивает этот мотив. В свою очередь, четвертая строфа подхватывает мотив “они поют” (болг. “те пеят”) и снова его разрабатывает. В заключительной шестой строфе, начиная с “Они пьют и поют” (болг. “те пият и пеят”), П. К. Яворов собирает разделенные и равноправно разработанные мотивы. Необходимо отметить, что в болгарской языковой и художественной практике глаголы “пьют” и “поют” связаны между собой в семантическом отношении, не говоря уже о их звуковой близости.

Стихотворение “Армяне” построено по сложной и строго выдержанной композиционной схеме, напоминающей сонатную форму.

Поэт достиг поразительного успеха: проник в глубокую человеческую душу, уловил сложный драматизм силы, бунта и поражения. И этот сложный драматизм ощущается еще в первых четырех стихах:

*Изгнаници клетки, отломка нищожна
от винаги храбър народ мъченик,
дечица на майка, робиня тревожна
и жертви на подвиг чутовно велик.*

*Изгнанники, жалкий обломок ничтожный
народа, который все муки постиг,
и дети отчизны, рабыни тревожной,
чей жертвенный подвиг безмерно велик.*

(перевод М. Зенкевича)

Նրանք խղճալի վրարանդիներ, աննշան բնկոր
Դարերով խրախի, այլև անբարեբաղի մի ժողովրդի
Նրանք զավակներ անվերջ տառապանքի շրջափակում մի մոր,
Միրալի գոհեր մեծ, աշխարհապան մի գործնաշարի...

(перевод С. Капутикян)

Драматизм усиливается, когда всплывают горестные воспоминания, воскресает в памяти родина, родной дом, оставленный в пламени:

*оставили в кърви нещастна родина,
оставили в пламък и бащин си кът,
немили-недраги в далечна чужбина,
един – в механата! – открит им е тът.*

*Родимый им край превратился в пустыню,
сожжен и разрушен отеческий кров,
и, беженцы, бродят они по чужбине, –
Один лишь кабак приютить их готов!*

(перевод М. Зенкевича)

Իսկ հենտ, հենցնու՛մ ալեքալ նարձած մի հեզ հայրենիք,
Վեցնու՛մ հողմիկի բոցերու՛մ կորած փունի հայրախակ
Օփարոթթալն մեզ, օփար դոներին ևրանք խորթ որդիք,
Բաց է ևրանց դե՛մ լոկ գհեալու՛նք և անհալոք ճաղրիկ:

(перевод С. Капутикян)

Это стихотворение является поэтическим выражением патриотических чувств поэта. В стихотворении использованы яркие описания, сравнения и антитезы.

Произведение состоит из шести восьмистиший, где первый стих повторяется в финале, и таким образом, формируется композиционное кольцо. В первых строфах описываются два основных состояния матери родины – ее муки и рабское состояние, и две основных качества ее детей – жертвенность и храбрость:

*далеч от родина, в край чужди събрани,
изпити и бледни в порутен бордей,
те пият, а тънат сърцата им в рани,
и паят, тъй както през сълзи се пей.*

*в краю, им чуждом, от родного далеко,
в землянке, худые и бледные, пьют,
а сердце у каждого ноет жестоко;
поют они так, как сквозь слезы поют.*

(перевод М. Зенкевича)

Հայրենի հողից հենտ, հալածված օփար երկնի փակ
Նյութված ու գոնալար հալաբլված ալյուրեղ, այլ գործ փնտրու՛մ
Խնկու՛մ են, ու լոկ ևլվու՛մ է գալից արդի վերքը փար,
Ու երգու՛մ են խու՛ր, ինչպես արցունքի միջից են երգու՛մ:

(перевод С. Капутикян)

Материальные условия и душевное состояние налагают отпечаток на их внешний вид (болг. “изпити и бледни”) и являются мотивацией их действий (болг. “пият и паят”). Только в третьей строфе указываются причины страдания армян. Они являются жертвами жестокого тирана, кровопийцы (болг. “тиранин беснеец”, “кръвник безпощаден”).

Затем внимание поэта переносится к песне армян. Эпитет “дива” (рус. “дикая”), определяющий их песню, показывает драматизм и силу чувств, вложенных в нее, а анафора “че” (рус. “что”) указывает на их физические страдания:

*Те паят... И дива е тяхната песен,
че рани разяждат ранени сърца,
че злоба ги дави в кипежа си бесен
и сълзи изтиска на бледни лица...*

*Поют они... Льетса их буйная песня,
А будто бы кровью исходят сердца,
И давит их ярость, им душно и тесно.
А слезы текут и текут без конца.*

(перевод М. Зенкевича)

Երգու՛մ են ևրանք... ու ևրանց երգը տհեղ է, վայրի,
Քանզի խոցվու՛մ են դից վիրավոր արքերը ևրանց,
Քանզի խեղդու՛մ է ևրանց զայրոթթի ծուխը կարաղի,
Վլ արցունքները ժալք քանվու՛մ են դե՛ղի վրա.

(перевод С. Капутикян)

Муки и страдания перерастают в новое чувство, в чувство мести. И песни армян уже наполнены мужественностью, бушующим боевым духом.

С особой силой звучит их новая, бунтарская песня, которая в предпоследней строфе сливается с песней зимней бури. Такие природные стихии, как огонь, молния, буря, выражают не только недомогание, но и новое состояние их души:

*А зимната буря им сякаш приглася,
бучи и завива страхотно в ноцта
и вихром подема, издига, разнася
бунтовната песен широко в света.*

*И зимняя буря, их пению вторя,
бушует, и воет, и дико ревет,
и вихрем бунтарскую песню в просторе
далеко по белому свету несет.*

(перевод М. Зинкевича)

*Իսկ ձմեռի բուրի անկախ ձայնակցում, կրկնում է կրակը,
խտնված երգի՜ն՝ ոռնում, հենում է գիշերվա սրուն,
Ու սրբիկի պես բարձրացնում է վեր, փարիսում անասնի
Սուրբիկի երգը փակում, աշխարհի չորս կողմն է փակում:*

(перевод С. Капутикян)

Таким образом, природа и состояние армян находятся в полной гармонии.

Последняя строфа возвращается к началу и одновременно вносит нечто новое в первоначальное описание. Исчезли начальные слова “изгнаницы клетки”, которые выражают сочувствие и страдание к армянам (болг. “те пият и пият”) и многоточие снова объединяет, но уже на высоком уровне, два основных состояния армян – пение и пьянство (болг. “пеене и пиене”). Финальная строфа показывает, что вопреки материальной разрухе и бедственному положению: “далеч от родина” и в “порутен бордей...”, эти глаголы выражают новое состояние их души.

При этом Яворов не забывает описания горячего патриотизма беженцев, которые даже в столь безвыходной для них ситуации не теряют надежды на спасение родины. И Яворов убежден в жизнестойкости армянского народа.

Стихотворение “Армяне” многократно переводилось на армянский язык. Существует около восьми различных переводов: С. Хиндлыан, Гранта Граана, Месия Эскиджян, Амо Сагян и др.

В настоящей статье нами представлен перевод С. Капутикян. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть данный перевод.

В переводе на армянский язык четвертая строка претерпевает некие изменения. Если в оригинале говорится о великом жертвенном подвиге армян, то в переводе Капутикян акцент делается на армянах как о жертвах:

и жертви на подвиг чутовно велик ...

Ср.: *Միրախի զոհերն յե՛նծ, աշխրհախալածն յի՛ գործնախորհի...*

Шестая строфа в переводе описывает то, что уже оставлено, т.е. “несчастна родина” հեղ հայրենիք, “башин си кът” հայրազանի փոկը, тогда как в оригинале акцент делается на сам процесс “оставления”. Глагол “оставили” звучит дважды в этой строфе:

*оставили в кърви несчастна родина,
оставили в пламък и башин си кът, ...*

Ср.: *Ա հեղնում, հեղնում՝ ախարալ արձանն յի՛ հեղ հայրենիք
Նեղնում՝ հրդեհի բոցերում կորած փոկը հայրազան...*

В седьмой строфе к слову “песня” С. Капутикян кроме определения “дикая” (болг. “дива”), которое присутствует в оригинале, добавляет и определение “грозный” для усиления воздействующей силы их песни:

Те пият... И дива е тяхната песен, ...

Ср.: *Երգում են կրակը... Ու կրակը երգը տեղն է վայրի...*

Если в оригинале стихотворения в восьмой строфе слово “мъст” (рус. мсть) повторяется два раза, то в переводе С. Капутикян прибавляется к слову “мсть” определение “бешеная”:

че мъст, мъст крѳвнишка жадуват души.

Ср.: *Նզոհնեղն յե՛նց արյան վրե՛ծն է խելախեղ հատնում...*

Из всего вышесказанного можно прийти к выводу, что перевод С. Капутикян весьма близок к оригиналу. Переводчица старалась передать суть стихотворения без больших смысловых изменений. В целом перевод С. Капутикян можно считать удавшимся.

Стихотворение “Армяне” является выражением братских чувств армянского и болгарского народов. Армянский народ признателен болгарскому поэту П.К. Яворову за его глубокую проникновенность в душу многострадающего народа. И неслучайно его бюст стоит перед одной из ереванских школ, названной его же именем.

Использованные источники

1. Джингозян К.А. Пейо Яворов и армяне. Ереван: Изд-во АН АССР, 1960. – С. 181 – 184

Использованная литература

1. Георгиев Н. Трагизъм и величието на бунтовната песен (Наблюдения върху “Арменци” на Яворов) // Пейо Яворов. Поезия. Проза. Велико Търново: Изд-во “Слово”, 1999. – С. 158–166.
2. Джингозян К.А. Пейо Яворов и армяне. Ереван: Изд-во АН АССР, 1960. – 247 с.
3. Неделчев М. Яворов. Литературна личност. Истории на книги и стихотворения. С.: Изд-во “Дамян Яков”, 2005. – 247 с.